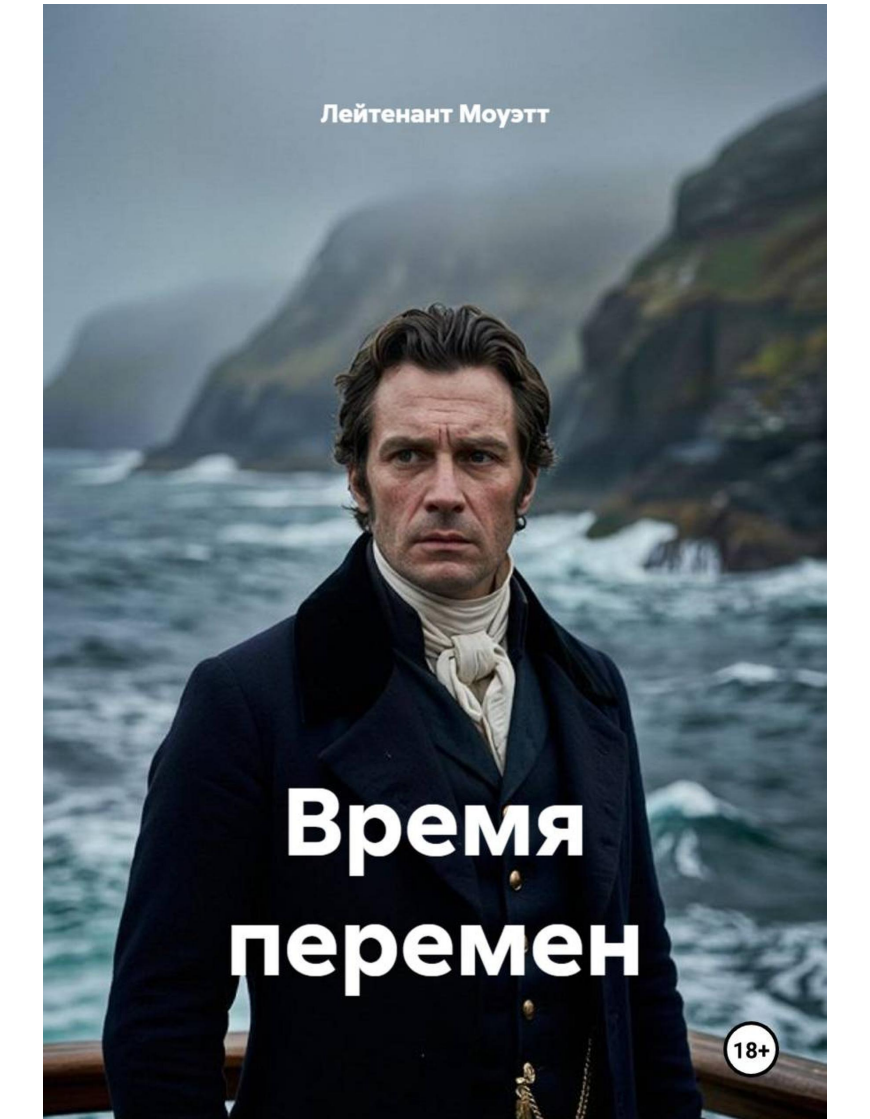

Лейтенант Моуэтт

Время перемен

18+

Лейтенант Моуэтт

Время перемен

<https://litres.ru/74546199>

SelfPub; 2026

Аннотация

Во времена революционного террора друзья предают друзей, на улицах царит беспощадная толпа, а влюбленные должны заплатить самую высокую цену. В 1793 году офицер британского флота Натан Пик патрулирует английское побережье в поисках контрабандистов и получает свой шанс, когда Франция объявляет войну Англии и погружается в кровавое безумие Террора. Пик поручают разрушить французскую экономику, провозя контрабандой фальшивые банкноты. Это приводит его на улицы Парижа, полные жестоких санкюлотов, и в зловещие катакомбы под французской столицей. По мере того как сопротивление Террору растет, Пик борется за выполнение своей миссии и за спасение жизни женщины, которую он любит.

Содержание

I–ЖЕРМИНАЛЬ

4

Конец ознакомительного фрагмента.

30

Время перемен

I-ЖЕРМИНАЛЬ

Время прорастания¹

ПРОЛОГ—Смерть в Париже, январь 1793

Это было время, когда, выходя на улицу, нельзя было быть уверенным, что вернешься домой живым и невредимым. Можно было погибнуть совершенно случайно, без всяких на то причин, от рук фанатиков на улицах или в результате проведения сомнительной юридической процедуры, проводимой властями, которая была более медленной, но не менее кровопролитной. Прятаться дома не имело смысла, потому что они знали, где вы живете, а если и нет, то соседи им обязательно сообщили бы. Ваш лучший друг мог оказаться доносчиком, а домовладелец патриотом, спешившим донести на вас с революционным пылом, особенно если вы задерживали арендную плату. Город находился на осадном положении, тюрьмы были переполнены, лавки пустовали. Каждый день приходилось правдами и неправдами добывать еду и топливо, чтобы выжить. Лекарства на черном рынке продавались на вес золота, и те могли оказаться подделками. И хуже всего было быть больным, или беременной, или старым.

Или королем. Она смотрела из окна, как мимо проезжала карета, увозившая его на судебный процесс во Дворец пра-

восудия. Наемный экипаж, к тому же довольно обшарпанный, запряженный в старую клячу, с барабанщиками, идущими впереди и отбивающими дробь. В остальном улицы были совершенно пусты, ведь людям было сказано не стоять и не паяться, а большинство окон были закрыты ставнями.

Разумеется, его признали виновным: иначе и быть не могло. А потом его убили. Она не пошла смотреть, хотя многие ходили. Потом говорили, что толпа была в необычайно торжественном настроении, а он умер со спокойным достоинством.

Услышав об этом, она только усмехнулась. Вот я бы точно не умирала со спокойным достоинством, сказала она. Я бы кричала и визжала всю дорогу. Чтобы этим сволочам мало не показалось. Чтобы они знали, что они с тобой делают, свиньи проклятые. Чтобы поняли весь ужас, который творят.

Она представила, каково это, подниматься по этим ступеням со связанными руками и обнаженной шеей, с трясущимися ногами, пока там, наверху, тебя ждет эта Вещь. Гильотина. Или "гуманная и научная машина для казни", как называли ее революционеры без видимой иронии.

В ту ночь, когда она сидела и читала, она увидела глаза, смотрящие на нее через окно, и руки, прижатые к стеклу, мокрые от крови. Возможно, это было просто ее воображение, – в последнее время ей снились кошмары, – но с тем, что происходило на улицах, это вполне могло быть и реальностью.

"Жаль, что я не оставила хотя бы кошку", записала она. "Хочется увидеть что-нибудь живое, ведь смерть в стольких ее ужасных обличьях совсем завладела моим воображением... В первый раз в жизни я не могу заставить себя задуть свечку".

Ее друзья думали, что теперь будет война с Англией. Это были американцы, живущие в Париже, писатели, как и она сама, и такая перспектива казалась им одновременно тревожной и волнующей. Она отвергла эту идею. "Зачем, чтобы отомстить за смерть французского короля? Сомневаюсь", ответила она. Но в глубине души она ни в чем не была уверена. Люди всегда находили причины начать войну.

Это была ночь на 21 января 1793 года.

Глава 1—Черный логгер

Ночь была темной и холодной, даже для первого месяца года, с пронизывающим ветром, дувшим через Ла-Манш из Франции. В такую ночь надо было сидеть дома у пылающего камина с кружкой горячего пунша, а не болтаться у побережья Сассекса, безуспешно пытаясь вести войну с контрабандистами. Натаниэль Пик, командир и штурман брига "Нерей", прислонился к ближайшему из шестнадцати орудий, подняв воротник плаща и глубоко засунув подбородок в шарф, и бросил тревожный взгляд на знакомый силуэт мыса Сифорд-Хед по левому борту. Даже в такую ненастную ночь, когда край луны то появлялся, то исчезал из-за рваных облаков, он мог различить линию прибоя у его подножия. Он

испытывал обычное для моряков уважение к подветренному берегу и мысленно видел скалы, на которые в былые времена во время отлива карабкался со своей сетью для ловли креветок.

“Мы должны идти, прижимаясь к берегу, чтобы застать их врасплох”, проинструктировал его старший чиновник таможенной службы мистер Суэйлс, который присоединился к ним в Шорхэме, – до нелепости типичный представитель своей профессии, с таким высоким мнением о собственной компетентности, что Натан, из чистого предубеждения, был склонен в ней сомневаться.

Это побережье Натан знал очень хорошо. За мысом была бухта Какмир-Хейвен, где он впервые ступил в морские волны, крича, как ему рассказывали позже, но не от страха, а от того, что его няня не давала ему броситься дальше в воду. Здесь же он спустил на воду первую лодку и взял курс на Америку, но слабый ветер и строгий учитель вернули его к реальности. А однажды летом, ночью, когда домочадцы думали, что он давно в постели, он, присев на корточки на вершине утеса, наблюдал за контрабандистами, высаживающими свой груз, – флотилией маленьких лодок в гавани и длинной вереницей пони и носильщиков, бредущих вдоль Какмира со своей незаконной добычей.

Они должны были быть там и сегодня ночью, если информация, полученная таможенным чиновником, была верной; по всей вероятности, это были те же самые люди, потому что

с тех пор, как Натан видел их в последний раз, прошло всего десять лет. Он представил, как поливает их свинцом, и помотал головой от абсурдности этой идеи. Хотя еще до утра это вполне могло случиться.

Он перешел на наветренную сторону небольшого пространства, которое ему нравилось называть своими шканцами, – хотя "Нерей", как и все суда его класса, имел гладкую палубу, – и посмотрел через море на черную полосу облаков, скрывавшую настоящего врага на юге. Франция и Англия находились в состоянии войны большую часть этого столетия и снова должны были вступить в нее еще до его окончания, если верить тому, что пишут в газетах. И все же в течение тех десяти лет, которые Натан прослужил на флоте, царил мир, и у них было очень мало врагов, с которыми нужно было сражаться, за исключением нескольких несчастных аборигенов в Южных морях и нахальных пиратов в Карибском море. И, конечно, контрабандистов.

В ясном небе на востоке сверкнула молния и раздался слабый треск, который стыдно было называть раскатом грома. Через мгновение забарабанил дождь. Натан отошел от борта и, подняв бровь, посмотрел на мистера старшего таможенника Суэйлса, как бы спрашивая, было ли все это частью его плана, хотя и прекрасно понимая, что это не так. Этот джентльмен облегчил душу ругательством и затопал ногами по палубе, возможно, полагая, что он путешествует в почтовой карете и таким образом может понудить свой транспорт

увеличить скорость. Натан заметил вопросительный взгляд своего первого лейтенанта, мистера Джордана, и приказал ему бить боевую тревогу, хотя и не горел желанием сражаться с людьми, которым он – по крайней мере, наполовину, – симпатизировал и которых, вероятно, знал с детства, поскольку на побережье Сассекса контрабанда была образом жизни. Насколько ему было известно, многие из батраков его отца были заняты в нелегальной торговле и за несколько часов, перевоза ящики с контрабандным бренди и табаком, зарабатывали больше, чем могли бы получить на ферме за неделю.

Натан пробрался вперед сквозь бегущих на свои места матросов и снова уцепился за передние ванты, чтобы, как только они минуют Хоуп-Пойнт, сразу увидеть, как обстоят дела. До мыса было уже рукой подать, и с каждой минутой он становился все ближе. Их спутник, маленький таможенный куттер "Барсук", уже поворачивал почти в фордевинд, огибая мыс. Затем он резко повернул в наветренную сторону, встав бортом к берегу и выдвинув свои четыре маленьких 4-фунтовых орудия, которые вряд ли напугали бы шлюпку торговца провиантом, но могли бы устроить настоящий ад на этом открытом участке берега. Это место ясно представало перед мысленным взором Натана: крутой галечный берег, широкая плоская болотистая местность за ним и утесы Семи Сестер, тянущиеся к Бичи-Хед.

Когда они обогнули мыс, луна внезапно вышла из-за несущейся

щихся по небу облаков, и в ее свете, отраженном от белых скал, весь берег предстал перед ними, как на ладони. Там был именно такой хаос, какой Натан и ожидал, хотя он и подумать не мог, что кто-то может допустить такую элементарную ошибку.

Драгуны вышли на берег не с той стороны реки, или же наблюдатель, дежуривший на скале, подал сигнал приближающимся лодкам сменить место высадки. Как бы то ни было, солдаты застряли на западном берегу Какмира, а контрабандисты оказались на восточном. Даже в темноте Натан мог видеть, как они бегут вдоль берега к пологому склону Хейвен-Броу, – их было больше ста человек и еще полсотни пони, – а драгуны загоняли своих лошадей в реку и палили из карабинов, не имея ни малейшей надежды во что-нибудь попасть. Вдоль подножия скал маленькая флотилия лодок спасалась бегством в сторону Бичи-Хед, а дальше, примерно в полутора километрах к востоку, на фоне белых холмов Семи Сестер, виднелся тот самый черный люггер.

– Это же "Удача"! – заорал старший таможенный инспектор, чуть не приплясывая от волнения и указывая пальцем. – Наша добыча, сэр.

"Удача" была главной темой его разговоров с тех пор, как они покинули Шорхэм: большой, быстроходный люггер с десятью 6-фунтовыми пушками и командой из примерно сотни человек, что делало его более чем достойным противником для любого из куттеров таможенной службы и служило

главной причиной присутствия здесь судна военно-морского флота. Во время американской войны люггер был снаряжен в Ньюхейвене, якобы в качестве каперского судна, но теперь было известно, что он был занят только на перевозке контрабанды (как, по всей вероятности, и было с самого начала). Его обычным делом было переправлять нелегальные грузы из одного из портов на французской стороне пролива и перегружать их на шлюпки у берегов Сассекса.

Очевидно, именно за этим занятием его и потревожили, и теперь он мчался в открытое море на всех парусах, какие только мог поднять, а маленький таможенный куттер следовал за ним по пятам. Конечно, шансов догнать его не было, не говоря уже о том, чтобы сразиться с ним на равных, но если люггер потеряет хотя бы одну часть рангоута, "Нерею" этого будет достаточно, чтобы догнать и прикончить его. К несчастью, шкипер люггера был того же мнения, и когда "Барсук" приблизился к нему, он повернул еще круче к ветру и на поднимающейся волне дал бортовой залп, звук которого был больше похож на раскат грома, чем все, что Натан слышал в эту ночь.

Он смотрел прямо на люггер и на мгновение был ослеплен вспышкой, а когда снова смог видеть, то оказалось, что "Барсук" был серьезно поврежден: фор-стенгга была сбита, а на баке громоздился хаос парусов и такелажа. Натан уже вел бриг так близко к ветру, как только мог, но ему пришлось отвернуть в сторону, чтобы избежать столкновения, и он по-

дошел к куттеру с подветренной стороны и спросил, не нужна ли ему помощь. В ответ шкипер разразился целой чередой ругательств, из которых можно было понять, что Натану было бы лучше заняться поимкой нападавшего, но взгляд, брошенный им в сторону люггера, свидетельствовал об обратном. У Натана была слабая надежда пройти у люггера за кормой и обстрелять продольным залпом издали, но теперь было ясно, что ему повезет, если он приблизится к вражескому судну хотя бы на километр, а после этого их курсы будут неуклонно расходиться.

Он услышал, как таможенный чиновник спросил, почему они не пустились в погоню, и предоставил младшему мичману с особенной важностью объяснить, что люггер, оснащенный продольными парусами, может плыть по крайней мере на румб ближе к ветру, понимаете ли, тогда как бригу, с его прямыми парусами, пришлось бы лавировать галсами против ветра, что имело бы смысл, только если бы ветер переменился или люггер по какой-то причине замедлил бы ход. Натану следовало бы заняться поиском шлюпок контрабандистов, которые все еще крались вдоль подножия утесов в надежде, что их никто не заметил. Но ему претила мысль о том, чтобы задержать нескольких бедных рыбаков, в то время как настоящий преступник благополучно возвращался во Францию. Лучше было проследовать в кильватере люггера, каким бы тщетным это ни было, и надеяться, что главный таможенный не сообразит предложить альтернативную стра-

тегию до тех пор, пока не станет уже слишком поздно.

Он уже собирался отдать приказ, когда заметил взгляд одного из младших офицеров. Этот взгляд был несколько задумчивым и полным сдержанной осторожности, и он заставил Натана отложить маневр на пару минут, пока он обдумывал, что бы это могло значить.

Мартин Талли был уроженцем Гернси, который присоединился к "Нерею" на месяц или два раньше Натана. Первый лейтенант объяснил ему, что Талли, как и каждый второй мужчина на Нормандских островах, раньше был контрабандистом, помощником шкипера на шхуне, захваченной у острова Уайт, команде которой был предоставлен выбор: поступить добровольцем в Королевский военно-морской флот или ответить по всей строгости закона. Он начал службу в ранге умелого моряка, но предыдущий командир "Нерея" быстро повысил его до помощника штурмана. У Натана сложилось лишь поверхностное представление о способностях Талли, но он нашел его достаточно приятным и, безусловно, компетентным офицером, с тихим голосом, манерами джентльмена и без всякой заносчивости. Казалось, он старался не высовываться, опасаясь получить выговор, что было не удивительно, учитывая его опыт контрабандиста. Что касается его происхождения, то Натан слышал, как двое мичманов шептались о том, что он был побочным сыном одного дворянина с Гернси. Это, возможно, было выдумкой, которую он сам и сочинил, чтобы завоевать

их уважение, поскольку оба они, конечно, были сыновьями джентльменов и отъявленными снобами, которые уважали бы незаконнорожденного сына аристократа гораздо больше, чем законного отпрыска какого-нибудь торговца или мещанина. И все же он, казалось, не был склонен к выдумкам, и в его лице и осанке было что-то такое, что, как подумал Натан, заставило бы их его уважать, независимо от происхождения. Натан решил познакомиться с ним поближе, но эта возможность ускользнула, как и многое другое в его нынешней должности. Теперь он присоединился к Талли у поручня и, ответив на его приветствие и минуту-другую посозерцав горизонт, спросил, что тот думает об их погоне за удаляющимся противником.

– Что ж, сэр, – сказал он. – сейчас, полагаю, он хочет увеличить расстояние между нами, насколько это возможно, за как можно более короткое время, и поэтому будет плыть как можно круче к ветру.

– А потом? – нетерпеливо спросил Натан.

– А потом, думаю, он пойдет к устью Соммы.

– Соммы? – Натан, конечно, знал это место по картам, хотя никогда там не бывал: широкое устье реки примерно на полпути между Дьеппом и Булонью. Но почему к Сомме? Ведь Дьепп, казалось, был более логичным выбором.

Талли, казалось, обдумывает этот вопрос, хотя по его лицу сложно было что-то прочесть. Возможно, он знал что-то, но счел благоразумным не раскрывать все карты.

– Это ведь "Удача", полагаю, из Ньюхейвена? – произнес он.

– Да.

Талли кивнул.

– Капитаном на ней служит человек по имени Уильямс, – по крайней мере, так было, когда я в последний раз слышал о нем, всего несколько месяцев назад. Уроженец Сассекса, в прошлом капер, но в Сен-Валери у него есть женщина, и он проводит там больше времени, чем в любом английском порту, хотя его команда в основном состоит из англичан и американцев.

Сен-Валери. Натан снова вспомнил карты и понял, что это место находится на южном берегу Соммы, очень близко к устью, – порт намного меньше Дьеппа или Гавра, используемый, в основном, рыболовными судами.

– Я думаю, он направится туда, – сказал Талли. – как только поверит, что мы отказались от погони.

Он говорил без всякой самоуверенности, совсем не пытаясь придать своим словам значимости, но Натан был склонен полагать, что он точно знает, о чем говорит. Вопрос был только в том, хотел ли он помочь погоне или помешать ей.

Натан присоединился к первому лейтенанту, который слушал их разговор у борта, а на его лице было написано подозрение или неодобрение, а, может, и то и другое вместе.

– Мистер Джордан, полагаю, мы возьмем курс на Сомму, – сообщил ему Натан бодрым тоном, скрывавшим его соб-

ственную неуверенность, – и посмотрим, принесет ли это нам *удачу*.

Глава 2 – Сомма

Французское побережье по правому борту было по-прежнему скрыто черной тучей, но "Удача" пока продолжала играть с ними в кошки-мышки. Дважды "Нерей" замечал ее, – или судно, подозрительно на нее похожее, – но каждый раз она исчезала в этом ведьмином вареве из тумана и дождя, закрывшем запад. Сейчас, в середине дня, они лежали в дрейфе у французского побережья почти в устье Соммы. Ненастное утро сопровождалось дождевыми шквалами, а море и небо будто кто-то бросил в какой-то мрачный котел и перемешивал до тех пор, пока их невозможно стало отличить друг от друга.

За ночь ветер значительно стих, но все еще дул с юго-запада с достаточной силой, чтобы удержать "Нерей" против течения с разбрасопленными ряями. И пока ветер был попутным, Натан был уверен, что сможет настичь свою жертву, если она попытается проскользнуть мимо него в Сомму. Если они вообще туда собирались.

День проходил, и его все больше одолевали сомнения. Судя по взглядам, которыми они обменивались, большинство его офицеров разделяли эти сомнения. Ему не доверяли. Командовал он недавно, и, по их мнению, еще не прошел испытательный срок. Естественно, они были преданы Джордану, первому лейтенанту, которого обошли с повышением. И

еще меньше они доверяли бывшему контрабандисту, который, возможно, отправил их по ложному следу, чтобы спасти старого знакомого от виселицы.

Натан присоединился к Талли, который стоял у борта и вглядывался в темноту на западе.

– Что за человек этот Уильямс, – спросил он. – шкипер "Удачи"?

Талли скорчил гримасу.

– Я видел его всего один раз, – ответил он. – но много слышал. Это тщеславный человек, жадный и хвастливый. Думаю, он довольно хороший моряк, но он мне не понравился.

И поэтому он был готов его предать? Или для этого была более благородная причина? Может, потому, что он дал присягу служить королю? Но о таких вещах не спрашивают, – по крайней мере, Натан не стал бы, – и, кроме того, теперь отступить было поздно. И офицеры будут оценивать его по тому, как все пройдет. К счастью, старший таможенный инспектор Суэйлс спустился вниз, чтобы отоспаться, ведь он опустошил большую флягу в те ночные часы, когда Натан в тревоге маялся на палубе.

Он размышлял о том, почему это его так тревожило, почему он ночь не спал из-за какого-то там контрабандиста. Дело было совсем не в чести, ведь о какой чести могла идти речь на таком задании? Может, в случае успеха начальство бы его похвалило, но самоуважения это точно бы не добавило. Вопрос тут был, прежде всего, в его собственной компе-

тентности. Или в том, считал ли он себя достойным командовать кораблем.

Сомнения такого рода начали одолевать его с того момента, как он ступил на борт "Нерея", а, возможно, и раньше, в течение долгих месяцев, проведенных на берегу на половинном жаловании. Он прослужил на флоте десять лет, и ему казалось, что теперь уже поздновато было задумываться о том, не выбрал ли он неправильную карьеру, и все же он все больше склонялся к мнению, что так оно и было.

Первые несколько лет он был вполне счастлив, – сначала мичманом в вест-индской эскадре, а затем лейтенантом на гидрографическом судне в Южных морях, – но ему посчастливилось избежать многих ограничений и формальностей, которые были нормой на Королевском военно-морском флоте. Когда в 91-м году команду "Гермеса" списали на берег, он провел на суше почти восемнадцать месяцев, в основном в Лондоне, и обнаружил, что есть много способов проводить свое время, кроме как на палубе военного корабля, с товарищами, для которых военно-морской флот не был единственным способом существования.

А потом ему предложили командование "Нереем". Это назначение стало неожиданностью, и он подозревал влияние своего отца. Отец Натана, сэр Майкл Пик, участвовал в трех войнах против французов и вышел в отставку в звании контр-адмирала, но у него все еще были друзья на высоких постах, и он всегда был готов использовать свои свя-

зи в интересах сына. Натан сначала хотел отказаться от этого предложения, что означало бы конец его карьеры, но это разбило бы сердце его отца. Кроме того, что еще ему оставалось делать? Он немного рисовал, писал стихи, интересовался астрономией, учился играть на флейте, – занятия обычного праздного джентльмена, стремящегося к самообразованию. Он боялся, что если позволит себе сосредоточиться на каком-либо из этих увлечений, то может обнаружить, что у него совершенно нет таланта.

И все же Натан не мог отделаться от мысли, что, согласившись принять это назначение, он проявил трусость. И беспокойство никак его не покидало. Он испытывал постоянное чувство стесненности, которое не мог до конца понять, хотя физическая теснота была очевидна на судне длиной всего в тридцать метров и шириной десять, набитом более чем сотней офицеров и матросов.

Но дело было совсем не в этом. Правда была в том, что он любил море, но не военный флот. И, конечно, ситуация усугублялась тем, что он занимался всего лишь поимкой контрабандиста изысканных вин и бренди высшего качества, находясь в распоряжении таможни Его Величества.

К западу от них прошел еще один шквал. Натан встал, разминая затекшие конечности, подошел к наветренному борту и стал смотреть на дождь вдалеке. Казалось, что он идет скорее вверх, чем вниз, как будто облака пополняли свои запасы из океана. Ему хотелось бы попытаться запечатлеть этот об-

раз на холсте, но он мог себе представить, что подумали бы об этом его подчиненные, не говоря уже о таможенном чиновнике Суэйлсе, если бы тот, наконец, пробудился ото сна.

“Господа, осмелюсь доложить, что командир и штурман военного шлюпа "Нерей" отказался от погони, более десяти часов шел к берегам Франции, а потом установил мольберт с холстом на палубе и принялся изображать живописные виды. После чего мы были вынуждены слушать, как он импровизирует на флейте. В это время контрабандисты успешно скрылись”.

Да, это бы разрешило все его терзания по поводу карьеры морского офицера.

Послышался крик дозорного на мачте, указывавшего рукой в сторону моря, примерно в трех румбах с кормы. С палубы Натану ничего было не видно, кроме этой проклятой пелены дождя между морем и небом. Может, там вообще ничего и не было, но направление было правильное. Он поднялся по вантам и присоединился к дозорному на мачте.

– Будь я проклят, если все еще его вижу, сэр, – пробормотал матрос, смущенно качая головой и избегая взгляда капитана. – Но клянусь, он там был. Черный люггерный парус на северо-северо-западе, а потом он исчез, Богом клянусь, как по волшебству.

Натан понял намек, ведь он уже видел выражения лиц матросов на палубе. Они начинали думать, что это судно-призрак, с его-то черными парусами и корпусом. Леген-

дарный корабль с командой из скелетов. Он встал, взявшись за ванты фор-марса, и уставился на плывущую пелену дождя. Ничего. А потом...

– Да, – сказал он. Его голос сейчас напоминал рычание. Он почувствовал, что моряк смотрит на него с удивлением, и почувствовал то же мальчишеское удовлетворение, которое испытывал в таких ситуациях, еще будучи мичманом. Он достал трубу, разложил ее и прижал к глазу. Ему потребовалось всего лишь мгновение, чтобы разглядеть судно, и тут же он услышал ликующий крик дозорного, который тоже снова заметил его. Затем Натан смог сфокусировать трубу и четко увидел люггер, который направлялся прямо к ним, с ветром позади траверза, а огромные рейковые паруса сильно кренили его в подветренную сторону. Плыви, плыви, родной, мысленно стал он подгонять люггер. Круто к ветру он не оставил бы им никаких шансов, но если бы он продолжал идти в бакштаг, положение "Нерея" стало бы довольно выгодным. Проблема была в том, что шкипер люггера и сам это прекрасно знал. Он мог мгновенно сделать поворот и ускользнуть во мглу.

Но вот станет ли он это делать? Он никак не мог узнать "Нерей", – по крайней мере, не по тому мимолетному взгляду, который мог бросить на него в темноте возле устья Какмира. И почему бы ему ожидать его появления в устье Соммы? Он мог, конечно, понять, что это военный корабль, но на "Нерее" не было вымпела. Разумеется, он принял бы его

за французский корабль, крейсирующий у своего побережья или ожидающий прилива, чтобы войти в Сен-Валери, что он и сам собирался сделать.

Натан соскользнул на палубу и удостоил мистера Талли благодарного кивка, прежде чем сообщил обо всем первому лейтенанту, хотя и не дал ему вызвать вахту вниз. Если люггер будет следовать прежним курсом, они будут следить за каждым его движением в подзорные трубы, и он не хотел, чтобы на нем что-то заподозрили, – по крайней мере, до тех пор, пока им уже будет не спастись.

– И еще, мистер Харрис, – обратился он к младшему офицеру морской пехоты, стоявшему со старшим из двух мичманов у поручня. – не могли бы вы оказать мне любезность, подержав ваших людей пока вниз? – Натан не хотел, чтобы красные мундиры на палубе выдали его намерения. – И, возможно, вы будете так любезны передать мои наилучшие пожелания мистеру Суэйлсу, – обратился он к мичману, Эрик-сону. – и сказать, что я был бы ему признателен, если бы он поднялся на палубу.

"Удача" приближалась очень быстро. Теперь они могли видеть ее с палубы без подзорной трубы и даже различить носовую фигуру, – обнаженную богиню с развевающимися волосами, белыми, как мрамор, – и эти характерные паруса, не совсем черные, но темно-малиновые, цвета запекшейся крови. Сквозь него она не могла пройти, так куда она повернет? Лучше бы с левого борта, чтобы он мог выдавить ее об-

ратно в море. Но просто пройти мимо у нее бы не получилось, ни с какого борта, – по крайней мере, если он выкатит пушки. Один бортовой залп прикончил бы люггер – если, конечно, у Натана хватило бы духу его дать.

Он перешел к наветренному борту и поднял подзорную трубу, чтобы рассмотреть ближайшую из двух батарей, охранявших вход в Сомму. Никаких признаков жизни, кроме огромного триколора на флагштоке. Шесть орудийных амбразур. Говорят, сорокадвухфунтовые. Он постоянно напоминал себе о том, что Британия и Франция не были в состоянии войны, но если бы он открыл огонь по другому судну так близко к французскому побережью, что бы они сделали?

Суэйлс, с мутным взглядом и опухшим лицом, остановился рядом с ним. Натан протянул ему трубу. Тот некоторое время смотрел в нее, а потом хрипло произнес:

– Как, будь я проклят...

– А что я могу сделать? – спросил его Натан. – Какая у нас здесь юрисдикция?

– Юрисдикция? – На какой-то момент Натану показалось, что ему сейчас придется объяснять значение этого слова. Суэйлс, уже невооруженным глазом, наблюдал за приближающимся к ним судном. Он облизал сухие губы. – Ну, – начал он. – Мы же можем их взять на abordаж.

– А что мы найдем на борту?

Чиновник, казалось, как-то съежился, ведь он не хуже Натана знал, что люггер больше не перевозит контрабанду и

находится далеко за пределами английских вод.

— Вы можете поклясться, что это то самое судно, которое мы видели у Какмира, — надавил на него Натан. — и которое стреляло по "Барсуку"?

Суэйлс снова воспрял духом.

— Да, готов, — ответил он. — Совершенно в этом не сомневаюсь. А вы?

Натан кивнул. Но это еще ничего не решало. Что на основе таких доказательств решит суд присяжных, особенно в Сассексе?

Люггер немного повернул на ветер, явно собираясь пройти между "Нереем" и берегом. А потом Натан увидел, как его паруса затрепетали и обвисли. Через очень короткое время хлопанье их собственных парусов сообщило ему о том, что они тоже потеряли ветер. Нос судна сразу стало поворачивать в сторону устья Соммы.

Натан прикинул, какие у него были варианты. На "Нерее" были весла, но грести против прилива будет очень трудно. Лучше было бросить якорь в устье реки и ждать, пока снова не задует ветер. Почти наверняка "Удача" поступит так же, потому что она не захотела бы входить в Сомму, пока не будет полная вода, иначе Натан мог бы послать шлюпки и взять ее на абордаж.

Со стороны берега донесся грохот выстрела, и, повернув голову, он увидел клубы дыма над батареей на Пуэнт-дю-Урдель. Через пару секунд высокий столб воды поднялся при-

мерно в кабельтове от их левой скулы. Офицеры посмотрели друг на друга. Натан выругался про себя – больше от раздражения, чем от тревоги. Это предупредительный выстрел, подумал он, чтобы сообщить ему, что они не хотят видеть его в своей реке. Довольно серьезное предупреждение, но...

Однако он ошибался: это был пристрелочный. Мгновение спустя форт исчез в облаке черного дыма, окрасившегося оранжевым, когда остальные орудия открыли огонь. По левому борту море взметнулось несколькими огромными водяными столбами. Одно ядро два раза срикошетило от поверхности и утонуло всего в паре метров от кормы.

– Людей на весла, – скомандовал Натан первому лейтенанту. Голос у него был спокойный, но сердце бешено колотилось. За десять лет службы это был первый раз, когда он был под огнем, – по крайней мере, орудийным, – и это были не маленькие пушечки, как на "Удаче" или даже "Нерее". Это были сорокадвухфунтовые, которых не несли и самые крупные линейные корабли. Даже одно попадание доставило бы "Нерею" серьезные неприятности. Но больше всего Натана расстраивало то, что война не была объявлена.

– Покажите им вымпел, – приказал он первому лейтенанту. Затем, когда Джордан отдал приказ поднять его на флагштоке, он сказал: – Нет. Между ряями, – Не хватало еще, чтобы он безвольно свисал с кормы, а французы потом заявили бы, что они его не видели. Пусть знают, что открыли огонь по британскому военному кораблю, и отвечают за по-

следствия.

Они выдвинули весла, и нос судна медленно поворачивался, но Натана беспокоило то, как далеко их занесло в устье Соммы. С обеих сторон виднелись берега реки, и они все еще дрейфовали.

Прогремел еще один залп, на этот раз с другой батареи, на Пуэнт-а-Гайль. На этот раз Натан услышал свист падающего ядра, и фонтан воды взлетел вдоль их правого борта, причем достаточно близко, чтобы обдать палубу брызгами.

Даже при таком плохом освещении они не могли не видеть вымпел. Они открыли огонь по военному кораблю: это было равносильно объявлению войны. Негодование Натана превзошло его беспокойство, и даже когда он осознал серьезность ситуации, странная логика убеждала его, что дальше этого они не пойдут и что, бросив ему вызов, они затем позволят "Нерею" уползти, поджав хвост. Однако они продолжили стрельбу, разрушая его последние надежды. В этот раз обе батареи ударили почти одновременно.

Удивительно, что в шлюп еще не было ни одного попадания. Вода вокруг кипела, а несколько ядер пробили снасти с шумом, напоминая сильный ветер в лесу, но рангоут пока не был поврежден. Натан все еще держал паруса поднятыми в надежде на ветер с берега, но они уныло свисали с рей, промокшие от дождя, а команда изо всех сил налегала на весла. Но, несмотря на все их усилия, они едва двигались навстречу приливу, и Натан приказал двум вахтам де-

лать гребки по очереди, так что бриг начал вилять из стороны в сторону, как какая-нибудь неуклюжая лодка, пытаясь сбить артиллеристам прицел. Но наивно было бы думать, что при такой активности батарей они смогли бы избежать попаданий. Одно ядро отскочило от воды и ударило в корпус посередине судна, чуть выше ватерлинии, со звуком, напоминавшим стук большого басового барабана, а другое с громким звоном пробило бакштаг, и звучание адского оркестра дополнилось оглушительным лязгом и глухим стуком в носовой части судна, которые, как Натан не сразу понял, означали, что еще одно ядро попало прямо в становой якорь, расколовшись пополам, причем одна половина взлетела высоко в воздух и упала на палубу, а другая исчезла. Бог знает где. Матросы на веслах начинали уставать. Натан и большинство его офицеров присоединились к ним, но, насколько видели его почти ослепшие от пота и брызг глаза, они едва ли держались на месте, борясь с течением.

Когда он почувствовал дуновение ветра на щеке, то подумал, что это было еще одно близкое попадание, но потом увидел, что паруса наполнились ветром. Когда бриг накренился, они сбились со следующего гребка, и Натан растянулся на палубе, запутавшись в руках и ногах окружавших его людей, а офицеры и матросы кричали и смеялись, забыв обо всех правилах приличия и дисциплине. Когда Натан поднялся на ноги и подошел к штурвалу, они уже плыли с хорошим бризом. Он взглянул за корму, где обе батареи выстрелили

одновременно, и тут же то место в море, в котором шлюп только что находился, яростно вздыбилось, словно какое-то многоголовое морское чудовище, лишившееся своей добычи. Следующий залп пришелся недолетом за кормой на расстоянии половины кабельтова, а последний оказался пустой тратой пороха. Потом очередной шквал скрыл берег, форты и все остальное.

Натан оглянулся в поисках "Удачи", но она исчезла за пеленой дождя, и он был этим странно обрадован. Он взял курс на Шорхэм, чтобы там избавиться от таможенного инспектора, и запросил у мистера Джордана отчет о повреждениях. Разорванный бакштаг уже срастили, а плотник сказал, что поправит те несколько досок, что были несильно вмяты от попадания в среднюю часть судна. Однако Натана удивил тот урон, который был нанесен ударом ядра в их лучший становой якорь. Сам якорь уцелел, но, как сообщил ему лейтенант, понизив голос от смущения, одна отлетевшая часть ядра разбила галюн.

Натан пошел на нос, чтобы убедиться в этом самому, – скорее с удивлением, чем с тревогой, ведь в его каюте были более цивилизованные удобства. Это команде придется теперь помучиться. Затем он увидел, что носовая фигура, – сам Нерей, морской старец, – потеряла большую часть своей бороды.

– Они просто издеваются, – пожаловался он плотнику, который, как он знал, особенно гордился этой фигурой, чем-

то напоминавшей его самого.

Помощник боцмана принес ему половинку пушечного ядра, которое упало на палубу, аккуратно отколотую в том месте, где оно ударилось о якорь, и Натан положил его в брезентовый мешок, надеясь сохранить для потомков память о первом выстреле в новой войне. Ибо французы обстреляли судно Королевского военно-морского флота, и он был уверен, что их светлости не допустят, чтобы это зло осталось неотомщенным.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.